

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ **УПАДА ВЕШАЛКА**

Барсик, примостившийся было на сегодняшнюю ночь около Яшкиных ног, резко спрыгнул с кровати и, на полусогнутых лапах прижаввшись животом к полу, напряг уши, словно антенны.

Яшка спросонья некоторое время не мог понять, что не так, но чувствовал, инстинктивно чувствовал, как страх и беспокойство подступают к его сердцу. Ему показалось даже, что он всё ещё спит и просто видит какой-то чудной сон. Вернее, не видит, а пока что слышит, ибо в комнате было так темно, что мальчик едва мог различить собственные пальцы левой руки, которую протянул вперёд, будто защищаясь от кого-то невидимого.

Вжавшись в кровать и по обыкновению своему широко открыв глаза, малыш слушал, как отбивала дробь вешалка-гном, словно кто-то раскачивал шкаф и что есть мочи колотил в дверцу изнутри.

– Абра-ар! Бурундуң! Вьюга-вьюн! Гагатун!
Дзинь-да-да! – прошептали совсем близко, и
Яшка, вконец испуганный, вслед за котом со-
скользнул на пол, потянув за собой одеяло.

– Брум-трум-трум! – упала рядом вешалка.

«Может, это грузовик проехал, вызвав ма-
ленькое землетрясение?» – пытался успокоить
себя малыш, но он знал, что это не так.

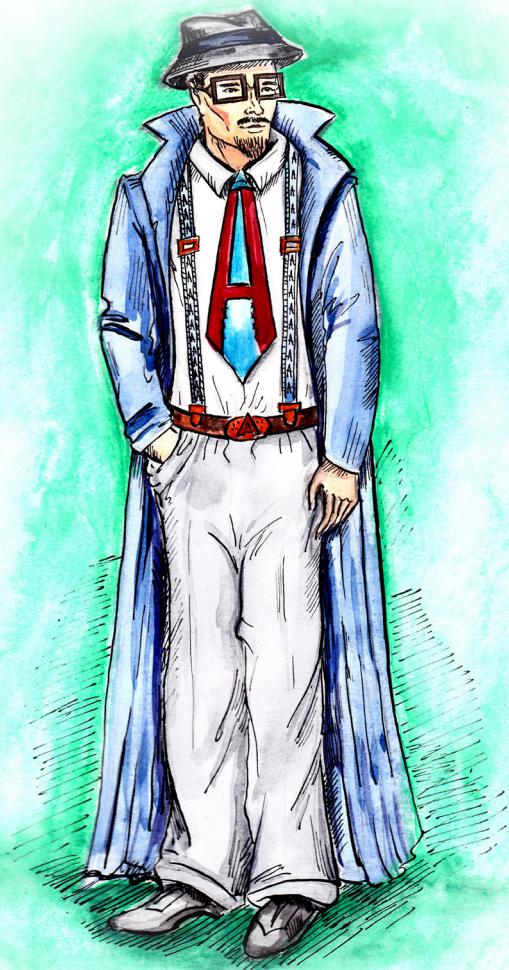
Осторожно встав на колени и потянувшись за
фонариком, который вспыхах оставил на кровати,
Яшка вдруг подумал, что не слышит Барсика.
Если ещё минуту назад подозрительный стук
и пляс вешалки наводили на мальчика ужас, то
сейчас наступившая вновь тишина казалась ему
не менее пугающей.

– Кис-кис-кис! – позвал малыш, нащупав ру-
кой фонарик и тут же ухватившись за него как за
спасительную соломинку.

Осмелев и снова взгромоздившись на кровать,
Яшка подобрал под себя ноги, клацнул кнопкой
фонарика и, как обычно, принял «обстреливать»
темноту, продолжая при этом звать кота.

Вот кубики, разбросанные ещё с вечера и
так не прибранные рыжим лентяем, вот плюше-
вый синий слоник с оторванными глазами, а там
железная дорога, подаренная тёти Кирой на
прошлый день рождения, зелёные шторы, герань
на окне, копилка-щенок с отбитым и приклеенным
обратно ухом... В общем, всё как всегда.

Успокоившись, мальчик резко привстал и
нагнулся было под кровать, чтобы посветить

там фонариком в поисках пропавшего кота. Тут же, запутавшись в скомканном одеяле, он упал и уткнулся носом в мягкие бархатистые лапки, которые крепко обхватили спинку его кровати.

Яшка слышал пульс и дыхание кого-то, примишвившегося у него над кроватью, и понимал, что это не кот, ибо Барсик как раз в этот момент соизволил подать голос, жалобно замяукал где-то внизу.

Несколько секунд понадобились мальчику, чтобы поднять закатившийся под стол фонарь (Яшка, падая, обронил его) и направить свет на кровать, из-под которой с воем выскоцил Барсик.

Нечто, так напугавшее Яшку, успело перебазироваться на подушку и теперь, расправив крылья и немного подаввшись вперёд, внимательно рассматривало мальчика. Это существо не было птицей, хотя имело крылья и лапы, как у пернатых друзей.

«Если бы мне не было так страшно, я бы подумал, что это ангел, о котором рассказывала бабушка, спустился с небес, чтобы пожелать мне спокойной ночи...» – растерянно размышлял мальчик, подметив, что у таинственного гостя, с комфортом расположившегося на кровати, голова, туловище и руки совсем как у человека, только сиреневого цвета.

– Фиолетовый ангел... – подытожил свои наблюдения Яшка, не заметив, что произнёс это вслух. – А может, фея фиолетовых гор, прилетевшая из бабушкиной сказки?..

Малыш пятился, стараясь не сводить взгляда с чужака, который широко открыл рот, зевнул и заёрзal, устраиваясь поудобнее.

– Ишь ты, как по подушке моей топчется! – не удержавшись, заметил Яшка.

Странное дело, но сейчас ему было уже не так страшно, как можно было бы ожидать от человека, даже взрослого, при подобных обстоятельствах.

Ангел-фея наклонился вперёд, протянул изящную фиолетовую руку с длинными тонкими пальцами и поманил мальчика, жестом приглашая подойти к кровати.

Яшка, растерявшись, не знал, как поступить, ведь такого с ним ёщё никогда не происходило. Он продолжал пятиться, пока не упёрся спиной в письменный стол, больно ударившись об угол верхнего ящика, который плотно не задвигался. Охнув, малыш инстинктивно потёр ушибленное место и задел локтем жёлтый будильник, который покачнулся и упал на пол, выразив своё неудовольствие громким «дз-и-и-инь!».

– Дзинь-да-да! – тут же отреагировал гость. Выпрямившись и зашуршав крыльями, пришелец радостно, как показалось Яшке, повторил уже знакомую тарабарщину: – Абра-ар! Бурундун! Вьюга-вьюн! Гагатун! Дзинь-да-да!!!

– А-а-а-пчхи! – послышалось сзади.

От неожиданности Яшка подскочил, едва снова не уронив фонарь.

– Б-б-будь здоров! – пожелал, заикаясь, кто-то.

- Всегда готов!! – некстати пошутил третий.
- Б-б-бардак! – возмутился шутке заика.
- Вай-вай-вай! – задиристо ответил ему шутник.

Мальчик, стараясь не упустить из виду чудо-птицу, которая радостно пританцовывала и хлопала крыльями, отчего во все стороны посыпалась перья и пух, нагнулся над столом выяснить, кому принадлежат голоса.

На столе, как обычно, было полно неприбранного хлама, так как Яшка, как и большинство мальчишек, не имел привычки убираться после игр и развлечений. Среди пластилина и цветной бумаги, карандашей и фантиков от съеденных конфет явно что-то происходило. Слышен был топот маленьких ножек, по шелесту и шороху угадывалась суетливая возня. Видно, Яшкино копнотатое лицо, вплотную приблизившееся к столу, было причиной переполоха.

Кто-то упал и ахнул, вызвав чьё-то разливиное «га-га-га!»

- Б-б-балаган! – нравоучительно отрезал уже знакомый нам заика.
- Да-да-да! Да-да-да! – поддакивали ему.

Не выдержав, Яшка рискнул и посветил на стол фонариком, повернувшись спиной к таинственному гостю. Заморгав, мальчик приготовился увидеть новое чудо. Сиреневые перья, словно снежинки, кружились и мягко падали вокруг. Одно пёрышко скользнуло по Яшкому лицу, защекотало, будто дразня. Малыш поморщился, втянул

носом воздух и дунул, отгоняя прочь настырное перо.

– Апчхи! Апчхи! – разобрало не на шутку кого-то.

Прикинув, откуда доносится чих, Яшка сперва приложил ухо к приоткрытой коробке из-под пластилина, а затем, слегка толкнув пальцем, откинул крышку в сторону и, забыв об осторожности, засунул туда свой любопытный нос. И тут же поплатился за это, получив щелчок.

– Вот тебе! Вот тебе! – приговаривал кто-то.

– Б-б-батенька! – обратились, судя по всему, к Яшке, оторопевшему и обиженному. – Б-б-будьте любезны здесь не дуть.

– Апчхи! Аллергия! – пояснил чихунчик, как мысленно окрестил его малыш.

Теперь мальчик, наконец, получил возможность хорошенъко рассмотреть загадочных болтунов. Открыв рот, Яшка наблюдал, как двигались, чихали, разговаривали и даже ругались маленькие пластилиновые фигурки-буковки, вылепленные с маминой помощью ещё два дня назад. Это мама по собственной, как она шутила, методе пыталась обучить сына «абэвэгэдэйке».

Расслабившись, малыш рассмеялся, забыв даже о крылатом госте, который прекратил мучить подушку и соизволил, наконец, покинуть кровать. Сначала он переместился на тумбочку, отчего та зашаталась, постукивая ножками по полу. Затем, расправив крылья, пришелец метнулся к окну, но, не рассчитав расстояния,

зацепил крылом форточку и рухнул вниз головой прямо на подоконник.

«Мамина герань!» – успел лишь подумать Яшка.

Царапая когтями по стеклу и цепляясь за трещавшую по швам штору, гость таки сумел удержать равновесие и не загубить благородное растение. Свисая с карниза и раскачиваясь, словно маятник, фея-птица пропела, будто позвала:

– Абра-ар!!!

Буковка «А», чихнув и утеревшись маленьkim носовым платком, на тонких и длинных ножках не- торопливо вышла вперёд, изящно поклонилась и сняла шляпу, приветствуя мальчика.

«Чихунчика зовут Абра-аром!» – догадался Яшка и, стараясь быть учтивым, ответил поклоном на поклон.

– Яков Ермолаев! – отрапортовал он. – К вашим услугам!!

– Б-б-будем знакомы... Б-б-бурунду... – про- бурчала буква «Б», глядя на Яшку исподлобья. Видно, в характере Бурундуна было бурчать и хмуриться.

– Вьюга-вьюн! – представила фея букву «В», которая, сидя на резинке-ластике и закинув ногу на ногу, едва удостоила мальчика взглядом, де- лая вид, что внимательно рассматривает свои крохотные ногти.

– Уже знакомы... – потирая нос, пробормо- тал Яшка, догадываясь, кто щёлкнул его по носу. А ещё отметил про себя, что Вьюн подозрительно похож на Вовку, того ещё пакостника и шалуна.

– Гагатун! – констатировал малыш, ткнув пальцем в букву «Г», которая, согнувшись пополам и клюя носом в стол, надрывалась от хохота.

– Да-да-да! – подтвердила буква «Д», привстав на цыпочки и радостно улыбаясь.

«Девочка? – разочаровался Яшка, наблюдая, как буква «Д», она же Дзинь-да-да, пританцовывает и поправляет юбчинку, и добавил:

– Воображуля!»

Правда, воображулями он называл абсолютно всех девочек, с этими их бантиками и заколочками, гольфиками и куколками и всем прочим девчачьим добром.

Размышляя так, мальчик не сразу заметил, как Барсик, который до того где-то молча отсиживался, ловко запрыгнул на стол и, бесшумно ступая мягкими подушечками лап, приблизился к малышу. Буквы вежливо раскланивались, пропуская кота, а птица-фея, положив правую руку на грудь (там, где сердце), почтительным кивком приветствовала Яшкого питомца.

Мальчику казалось, что после стольких чудес и неожиданностей его уже ничто не сможет удивить, но он ошибался, ибо для него сказка только начиналась.

Барсик внимательно посмотрел на малыша большими умными глазами, осторожно лизнул его в щёку и тихонько прошептал на ухо:

– Я-ш-ш-ша...

Собственно, тот факт, что кот заговорил, мальчика не смущил, особенно после того, как

практически на его глазах ожили куски пластилина. Странным было скорее то, как почтительно и даже благоговейно буквы и крылатый вели себя по отношению к коту, лениво развалившемуся на столе.

– Хм... – едва не прыснув со смеху, обратился Яшка к Барсику. – Может, мне тебя, Барсюня, теперь Вашим Высочеством величать?!

Не в силах более сдерживаться, мальчик рассмеялся, настолько нелепым ему казалось всё происходящее перед его глазами.

Но гости Яшкого веселья, судя по всему, не разделяли. Крылатый незнакомец, нахмурив брови, огляделся по сторонам и, приложив указательный палец к сиреневым губам, шикнул на малыша.

Буквы, каждая на свой манер, бурно выражали недоумение и возмущение Яшкиным поведением.

Абра-ар, топнув ногой, растерянно крутил головой, как бы не понимая, как такое вообще может быть.

Бурундин, как обычно, проворчал, грозя мальчику пальцем:

– Б-б-беспредел! Б-б-батенька!!

– Вай-вай-вай! – вторил ему Вьюга-вьюн, который, заложив руки за спину, то и дело прохаживался вдоль стола.

Гагатуна слышно не было: видимо, потерял дар речи.

Только Дзинь-да-да, по-девчачьему сложив вместе ладошки и несколько наклонившись набок, сочувственно смотрела на мальчика.

Барсик махнул хвостом, и шум тут же прекратился.

«Пан-король счёл нужным объяснить, на конец, – думал обиженный Яшка, – что здесь происходит».

– Я-ш-ш-ша... – протянул кот. – Ты – умный мальчик. И, конечно, догадался уже, что стал частью сказки. Я давно наблюдал за тобой, чтобы понять, достоин ли ты узнать нашу тайну. Это весьма трудно, Яша. Ведь ты упрямый и ленивый, проказник и врун. Да, да! Врун!

Последнее слово кот повторил, заметив, как Яшка покраснел и мотает головой.

– Помнишь, когда ты мячом разбил аквариум и об этом узнали родители, ты взвалил вину на меня? А когда ты выдернул из розетки шнур от ходильника и испортилось мясо, ты снова обвинил меня. Ах, Яша, Яша... – с грустью перечислял Яшкины грехи Барсик.

Сиреневый незнакомец нагнулся к коту и громко, чтобы слышали все, сообщил, будто отчитался:

– А ещё мальчик запер в туалете добрую нянечку, перевернул тарелку с супом, поставил синяк Вовке под глазом, написал под батарею...

– Глаза у плюшевого слоника вырвал! – проснулся Гагатун.

Раздавшиеся со всех сторон «охи» и вздохи довели Яшку окончательно, и он заплакал.

Дзинь-да-да, став на цыпочки и размахивая руками, старалась перекричать остальных:

– Давайте успокоимся, друзья! Довольно! Держите себя в руках!!

Яшка закрыл лицо руками и тихо плакал, чувствуя, как слёзы прокладывают путь по его горячим щекам. Что-то тёплое и шершавое коснулось подбородка и слизало застывшую слезу. Стало щекотно, и малыш невольно улыбнулся.

– Но именно ты, Я-ш-ш-ша, – кот с нежностью произнёс имя мальчика, – маленький и слабый, бросился защищать меня от стаи бездомных собак. Именно ты достал из скворечника раненого зелёного попугая и отнёс его в медпункт. Именно ты отобрал у Вовки белую крысу с красными глазками, которую баловник потехи ради чуть не утопил в луже, а потом, укутав в свой свитер, ты долго отогревал её и плакал. – Барсик, мурлыкая, ласково потёрся об Яшкину щёку и продолжил:
– У тебя доброе сердце, Яша, которое любит и верит в чудеса. А если искренне веришь, чудо не обойдёт тебя стороной. Ты достоин, Яша, нашего чуда!

Где-то наверху скрипнули дверцы шкафа, и в комнате стало светлее, будто кто-то зажёг лампу. От стола к антресолям из дивного света выткалась дорожка.

– Пора, Ваша Усатость! Медлить опасно! – обратившись к коту, сообщила сиреневая птица. – Свет могут увидеть те, кому он не предназначен.

Но кот почему-то медлил.

– Я-ш-ш-ша... – снова протянул он. – Мы нуждаемся в тебе и просим присоединиться к нам и отправиться в путешествие туда, где живут мечты и надежды, которым не суждено было сбыться, ибо люди забыли о них. Мы зовём тебя в Антресолевую

страну – страну забытых желаний, страну сказок и чудес, в которые перестали верить. Нам нужно твоё сердце, твоё горячее чистое сердце, способное мечтать и фантазировать. Нам нужен твой пытливый ум чудака-антресольки. Не побоишься ли ты переступить через грань возможного, Яша?!

Яшка колебался. «А как же родители и бабуля с дедушкой? – думал он. – Страшно как-то всё бросить и уйти в неизвестное..»

Пока мальчик, почёсывая затылок, размышлял, как ему поступить, произошло ещё нечто странное.

Дзынь-дзынь-дзынь – зазвенело-задрожало стекло в оконной раме. Что-то затрещало: видимо, от сильного порыва ветра резко распахнулась форточка. Стекло, покрывшись извилистыми трещинами, крупными осколками осыпалось на подоконник.

Яшка подбежал к окну и отдернул штору.

«Жива ли герань?» – думал малыш, переживая за маму, ведь это были её любимые цветы.

Десятки ворон долбили клювами стекло с той стороны, а некоторые из них с разбегу бросались на окно и, сползая, камнем падали вниз.

– Б-б-батюшки! – запричитал Бурундин.

Яшка, схватившись руками за голову, отступал вглубь комнаты.

– Мальчик! – прохрипел кто-то по ту сторону, и костлявая жёлтая рука просунулась через форточку, пытаясь нащупать задвижку. – Впусти меня, мальчик!

– Скорее ступай на дорожку! – кричал Барсик.

– И нас, нас не забудь! – махали руками буквы.

Яшка поспешно сгрёб в карман пижамы пластилиновых человечков и крепко ухватился за шею чудо-птицы, верхом на которой уже восседал, командуя, кот.

Ослеплённый светом, малыш не мог видеть, но слышал, как шуршат, опускаясь и поднимаясь, крылья, а где-то внизу трещит, не выдерживая атаки, окно.

– Я приду за тобой! – прокричала вслед беглецам старая женщина, протягивая к ним костлявые руки, которые вытягивались, словно резина.

Дверцы захлопнулись, и острые ногти вонзились в дерево, царапая и оставляя на нём глубокие борозды.

«Э-э-эх! Фонарь забыл!» – вспомнил Яшка...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАНЦЫ С ОБЛАКАМИ

Небо искрилось и играло радужными огнями, приветствуя путешественников. Розовые облака, словно танцовщицы балета, кружили нежный вальс.

Яшка, закрыв глаза, раскачивался в такт мелодии, доносившейся из ниоткуда.

Одно облако с лицом, похожим на мамино, вплотную подплыло к мальчику, легонько дунуло, видимо, здороваясь, и протянуло руку. Яшка оторопел, не поняв, чего от него хотят.

— Тебя приглашают присоединиться к их танцу. Это большая честь! — пояснил Барсик, стоя на задних лапах и размахивая передними, изображая танец.

Любопытные буквы, все как одна, высунули свои головы из Яшкого кармана и громко комментировали то, что видели. Дзинь-да-да и Абра-ар вскарабкались по рукаву на плечо мальчика и,

словно на танцплощадке, «вычебучивали» (как бросил им вдогонку Вьюга-вьюн) различные па.

– Но мы же летим? – возразил малыш, боязливо озираясь кругом. – Я разобьюсь!

– Не бойся! – шепнуло облако, ласково прорвя рукой по Яшкиной щеке. – Ведь это твоя мечта!

Мальчик вспомнил дедушкину дачу и себя, когда он лежал на старой раскладушке под грушей, которая тени, однако, не давала. Закинув руки за голову и жуя горький стебелёк одуванчика, малыш мечтал тогда о том, как здорово было бы вот так запросто взлететь под самое солнышко, к облакам, и босыми ножками танцевать и прыгать, поднимая облачную пыль. Но папа тогда заверил, что это невозможно, и мальчик постепенно забыл о своей мечте.

Маленькие розовые пальцы коснулись Яшкиной руки и, крепко обхватив её, потянули в бездонную синеву.

– Ма-м-ма-а! – успел лишь вымолвить малыш, паря под струями тёплого воздуха.

Куртка и штаны пижамы надулись, словно паруса, и, развеваясь, хлестали мальчика, но он не чувствовал боли.

Вьюга-вьюн и Гагатун, уцепившись за пижаму, восторженно захлёбывались смехом. Бурундун, бледный от страха, отмалчивался. Абра-ар и Дзинь-да-да, которым пришлось труднее, чем остальным, громко кричали и изо всех сил старались удержаться на плече малыша.

Немного погодя, освоившись, Яшка раскинул руки и, забыв страх, отдался полёту, слушая, как свистит ветер в ушах, как поёт небо.

Призрачные девы в облачной дымке, окружив мальчика, водили хороводы. Руки и сплетённые пальцы мелькали перед Яшкиными глазами, словно сказочная карусель.

– Что-то будет! – причмокнув, сделал вывод Барсик.

– Что-то выйдет! – радостно согласился сиреневый летун.

Шалун-ветерок с длинными волосами надул пухлые губы и дунул, разгоняя хоровод.

– Уф-у-у-у-ух!! – смеялся ветер, в то время как облака, беспомощно размахивая руками, разлетелись в разные стороны, оставив мальчика кувыркаться в одиночестве.

Яшка, гребя руками и ногами, как научился прошлым летом, когда Ермолаевы всей семьёй отдыхали на море, старался подплыть к сиреневой птице. Фея, расправив крылья, балансируя, будто каталась по волнам. Барсик протянул лапу, чтобы помочь Яшке взобраться на спину птице. Мальчик сделал рывок и, размахивая правой рукой, точно это был пропеллер, а левую выставив вперёд, ухватился было за мохнатую лапу... Однако в этот момент ветер, передохнув, снова надул щёки и со свистом выпустил новую струю воздуха. Она сильно ударила Яшку, на мгновение оглушив его.

Воздуха катастрофически не хватало. Не то чтобы кричать – дышать было больно. Яшка, онемевший, с посиневшими губами, летел, словно листочек, гонимый ветром. Не в силах изменить что-либо, мальчик закрыл глаза и вспомнил маму.

«Мама! Мамочка!!» – позвал малыш, чувствуя, как стремительно начинает падать...

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПЕНЬКОВАЯ ПОЛЯНА

Очнувшись, Яшка не спешил открывать глаза. Он лежал и слушал, как мирно шелестит трава и жужжат пчёлы. Пахнет землёй – значит, недавно был дождь.

Глубоко вдохнув, малыш распахнул ресницы. Глаза болели и слезились, ослеплённые горячим солнцем. Яшка сел, обхватил ноги руками и положил голову на колени, наблюдая, как полосатые пчёлы в фартучках и косынках снуют туда-сюда, наполняя вёдра сладким нектаром.

«Мёд!» – облизнулся мальчик, чувствуя, как всё громче и настойчивее бурчит желудок, заявляя о своих правах. Сколько же времени прошло с тех пор, как он покинул свою комнату?

Опомнившись, малыш подумал о своих друзьях и поспешило приняться обследовать карманы, выворачивая их наизнанку. На траву выпала пуговица, за ней выскоцил кусочек недогрызенного

сухарика, который Яшка поймал и тут же отпра-
вил в рот. Но пластилиновых человечков нигде не
было.

«Наверное, они выпали, когда я летел...» –
размышлял мальчик, не представляя, что ему
теперь делать.

Яшка резко встал, чтобы оглядеться по сто-
ронам и выяснить, где он, в конце концов, нахо-
дится. Кругом росла высокая трава, и дикие цветы
пьянили своим ароматом. Среди цветов и травы
выглядывали пни, поросшие зелёным мхом. На
некоторых из них на тонких ножках красовались
коричневые грибы.

«Какая странная пеньковая поляна!» – удивил-
ся мальчик и шагнул вперёд, как тут же осту-
пился и упал, едва не ударившись головой об
один из таких пней.

Пенёк недовольно поморщился, скривил
губы, будто наелся кислого лимона.

– Нечего тут падать! – процедил он сквозь
зубы.

– Извините, пожалуйста, я не хотел! – ста-
рался быть вежливым Яшка, отодвигаясь от пня,
который крутил носом и фыркал.

– Фыр, фыр, фыр, – повторяли за потрево-
женным пнём его товарищи, разбросанные по
всей поляне.

– Извините, пожалуйста! – немного погодя
снова попытался обратиться к загадочному пню
мальчик, с трудом подбирая слова, но запнулся,
так как заметил, что нос пня под громкое фырканье

начал расти, острым концом тыча в него. Втянув голову в плечи, чтобы нос-указка не оцарапал, малыш пробормотал: – П-п-пожалуйста... Я только хотел спросить, не видели ли вы здесь моих друзей, таких ма-а-леньких человечков?

При этом Яшка большим и указательным пальцами пытался наглядно объяснить, какого размера были его пропавшие друзья.

Тонкий нос, всё удлиняясь, словно щупальце, дотронулся до Яшкого лица, провёл от подбородка к правому виску, со свистом втягивая воздух и напоминая при этом пылесос. Когда осмотр-обнюхивание был закончен, безразмерный нос с треском, как бывает, когда заржавеет деталь какого-нибудь механизма, начал втягиваться обратно, пока не стал опять маленьким.

– Тьфу! – плонул в сторону мальчика пень и закрыл глаза, дав понять, что отвечать он не намерен.

Яшка вскочил и, не оглядываясь, побежал, то и дело натыкаясь на носатые фыркающие пни. Чтобы не задевать фыркунов, он прыгал и скакал, словно спортсмен на беговой дорожке с препятствиями.

Добежав до каких-то кустов, высоких и колючих, мальчик остановился перевести дух. Не заметив поблизости опасных пней, он присел на корточки и положил руки на колени – так ему было удобнее думать.

Что-то кололо за воротничком, отчего шея болела и чесалась.

«Может, сучок какой попал за ворот?» – подумал Яшка и, чтобы проверить это, стянул ру-башку и хорошенько встряхнул. Ему на ладошку выпала буква «А».

– Как я раньше не догадался проверить за воротничком?! – упрекал себя малыш, внимательно рассматривая Абра-ара, который лежал неподвижно и тихонько стонал. – Видно, попало бедняге?!

Мальчик бережно ощупывал человечка, проверяя, не повредилась ли пластилиновая буковка во время полёта. Наконец, Абра-ар пришёл в себя и сел, осматриваясь и оправляя одежду.

– А-а-пчхи! А-а-пчхи! Аллергия! – услышал Яшка, радующийся, что с его чихунчиком всё в порядке.

Аккуратно поместив Абра-ара в карман, мальчик встал и, приложив руки к губам, словно рупор, громко позвал:

– Бурундун! Вьюга-вьюн! Гагатун! Дзинь-да-да!

В ответ лишь громко затрещала сорока: тра-та-та-та-та! тра-та-та-та-та! Но маленькие друзья не отзывались, да и, честно говоря, Яшка сомневался, что сможет услышать их слабые голоса. Однако, не придумав ничего нового, продолжал звать, пока не заболело горло.

Хотелось пить и есть. Быр-бур-быр! – пел желудок.

И только сейчас, повернувшись лицом к колючим кустам, малыш заметил, что они густо усыпаны ярко-красными ягодами, большими и

сочными, похожими на малину. И хоть мальчик знал, что в сказке есть, что попало под руку, опасно (можно и козлёночком стать!), не в силах терпеть голод, он направился к зарослям малины, предусмотрительно натянув рукава на ладошки, чтобы не уколоться.

Мальчик с жадностью глотал ягоды, спешил и был неаккуратен. От сладкого сока пальцы и подбородок стали липкими и грязными, но это его не смущало.

– Э-м-м-м! – мурлыкал малыш и уплетал за обе щёки.

Запах раздавленных ягод привлек внимание пчёл, и они роем начали кружиться над мальчиком, пытаясь сесть на его липкие пальцы и лицо.

– А-а-а-а!!! – в один голос с Абра-аром кричал Яшка, отмахиваясь от пчёл и пробираясь через кусты.

Не найдя, где спрятаться, он плюхнулся прямо на землю, прикрыл лицо руками и готов был расплакаться. Одна из пчёл села-таки ему на нос и, быстро перебирая лапками, принялась собирать в ведёрко сладкий сок ягод. Малыш не шевелился, только крупные слёзы, градом катившиеся по щекам, выдавали его страх.

Полосатая гостья, немного потоптавшись на месте, нагнулась к ведёрку, зачерпнула лапкой жидкость и поднесла ко рту снять пробу. Слёзы, смешавшись с соком, испортили его вкус, поэтому пчела недовольно зажужжала и опрокинула ведро.

– Ж-ж-жалко! – причитала труженица, вытирая лапки о фартучек.

Стараясь взять себя в руки и окончательно не разрыдаться, Яшка громко потянул носом воздух и выдохнул, вспугнув таким образом пчёлку. Покружиив над его головой, рассерженная труженица снова села на кончик носа и подпёрла бока лапками. Некоторое время мальчик и пчела внимательно рассматривали друг друга. Яшка мог разглядеть даже вышитые на фартучке гостины цветные узоры. А косыночка, отметил про себя малыш, в такой же горошек, как и его пижама.

– Из-з-з-з-за тебя и-с-с-с-спорчен нектар, который я с-с-с-собирала с-с-с таким трудом! Как я теперь вернус-с-сь домой, не выполнив нормы? – сердито спросила пчела.

Мальчик в ответ лишь растерянно хлопал мокрыми от слёз ресницами и хлюпал носом, отчего пчёлку всё время подбрасывало вверх. Чтобы удержаться на носу, ей пришлось ухватиться за него всеми своими лапками.

– С-с-с-стыдно мальчику рас-с-с-с-пус-с-с-с-кать нюни! У-ж-ж-жас-с! – возмущалась полосатая гостья. – С-с-с-стыд и с-с-с-срам!!!

– А я бы вас попросил, уважаемая пчела, – вмешался, наконец, Абра-ар, который наполовину высунулся из кармана и, глядя вверх, придерживал шляпу, чтобы она не упала, – принять к сведению, что перед вами ребёнок, совсем малыш, оказавшийся в незнакомом месте, вдали от родителей и без друзей. Вам бы не жужжать да

пугать и без того напуганного мальчика. Лучше помогите нам, ведь всем известно, что у пчёл доброе сердце!

– Профес-с-с-сор Абра-ар! Какая неож-ж-жиданнос-сть! – радостно замахала крыльями пчёлка, потуже затянула узелок косынки и поправила фартучек, явно прихорашиваясь, словно барышня перед зеркалом.

Абра-ар, гордый, что его узнали, выпятил грудь и приветствовал подлетавших пчёл, элегантно приподнимая шляпу.

«Ну, точно император с трибуны приветствует марширующие войска!» – отметил про себя Яшка и деликатно кашлянул, так как процедура отдавания чести несколько затянулась.

Пчёлы с радостью взялись помочь Яшке и профессору Абра-ару найти пропавшие буквы и разлетелись по всей пеньковой поляне, внимательно обследуя каждую пядь земли.

Мальчик то и дело слышал, как звенят цветы-колокольчики, и наблюдал, как поднимается в воздух разноцветная цветочная пыльца. Пни-фыркуны, подобно жабам, выплёвывали свои носы-щупальца, чтобы поймать докучливо жужжащих пчёл. Отовсюду, словно лавина, нарастало злобное фырканье: фыр! фыр! фыр!

– Что это? – испуганно спросил Яшка, указывая пальцем на поляну.

– Чья-то загубленная мечта! – ответила одна из пчёл. – Раньше на этом месте был прекрасный яблоневый сад!

– Это всё проделки Чёрной Старухи! Старая Ведьма никак не уговорится. Сеет зло и раздор, чтобы разрушить Антресолию! – добавил Абра-ар.

– Но зачем? – удивился малыш. – Кому мешают мечты и желания?

– Человеку, дитя человеческое! Тебе ли это-го не знать? – услышал Яшка незнакомый голос, доносившийся откуда-то из зарослей. – Кому нужны мечты, если они забыты? А забыты они потому, что стали не нужны. Это свалка, мальчик, где хранится никому не нужный мусор.

– Тише... Тише... – шептали грибы, раскачиваясь над трухлявыми головами пней.

– Ух! – застонала земля, содрогнувшись, словно больной, которого знобит.

Яшка упал, чувствуя, как всё сильнее дрожит земля, а где-то глубоко внизу отсчитывает удары большое сердце: тук! тук! тук! Мальчику казалось, что он находится внутри кастрюльки, которая подпрыгивает над огнём, громко стуча крышкой.

«Вот отчего раскачивался шкаф в моей ком-нате!» – догадался малыш.

Чёрная туча накрыла поляну и разрыдалась холодным дождем. С треском пни начали вытягиваться и расти, а грибы, громко перешёптываясь, по-змеиному извивались и кивали шляпами.

– Это агония умирающей мечты... – равнодушно пояснил мальчику кто-то из зарослей. – Обычное дело...

Два огонька вспыхнули среди колючих ветвей и сузились в едва заметные щёлки, пока не исчезли совсем.

Дрожь, наконец, утихла, и выглянуло солнце, разорвав тучу на маленькие кусочки, которые лопались друг за другом, как проколотые воздушные шарики. Плюф! плюф! – раздавалось то тут, то там.

Радуга дугой выгнулась над поляной, и пчёлы, радостно жужжа, продолжили свои поиски.

Цветы потянулись к солнышку, лепесток за лепесточком раскрывая свои бутоны. В одном из них, подложив под щёку ладошки и подогнув коленки, спала Дзинь-да-да.

– С-с-сюда! Ж-ж-живо!! – жужжали пчёлы, указывая на цветок.

Поиски продолжались до самых сумерек, однако, кроме Дзинь-да-да, которая по-прежнему спала, отчего Яшка начал сильно беспокоиться, остальных друзей мальчика обнаружить не удалось.

– Поляна пус-с-ста! – доложила Абра-ару пчела в косынечке в горошек, по-солдатски приложив одну из лапок к голове, к тому месту, откуда у пчёл растут усики.

– Скоро стемнеет. Оставаться на поляне опасно! – заметил профессор и, обратившись к пчёлам, спросил: – Примет ли нас уважаемая Жужа?

– Гос-с-с-пож-ж-жа Ж-жу-ж-жа ж-ж-ждёт вас-с! – зажужжали со всех сторон пчёлы и взлетели вверх, туда, куда уходила, растворяясь в небе, радуга...

ГЛАВА СЕЛЬМАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАДУГЕ

Ходить по дорожке из света Яшке было не впервые, поэтому он смело ступил на радугу, как на мостик, и побежал вслед за пчёлами.

Небо, став густо-фиолетовым, раскрыло глаза: две луны уставились на мальчика, бегущего по радуге среди розового света, который постепенно тускнел и гаснул, уступая место темноте.

Шипя, мимо пролетали падающие звёзды. Они оставляли за собой серебристые следы, которые перечёркивали небо, словно лист бумаги.

«Как это здорово – шагать по небу среди звездопада!» – подумал малыш и как бы в шутку протянул руки, чтобы поймать одну из звёзд.

Маленькая жёлтая звёздочка, описав круг вокруг мальчика, мягко опустилась ему на ладошки.

«Если верить, чудо само найдёт тебя! – вспомнил Яшка слова Барсика. – Интересно, где сейчас мой пушистый друг?»

Громкое: «Берегис-с-сь!» вывело малыша из задумчивости. Обернувшись, он увидел, как радуга-мостик, словно раскрошившийся пирог, рассыпается, превращаясь в пыль. Яшке осталось только бежать и не оглядываться. Мостик шатался, а ухватиться было не за что. Расставив руки, как это делают акробаты, выступающие на канатной дорожке, мальчик пытался сохранить равновесие и не упасть.

Нечто большое и тёмное пролетело совсем рядом, черкнуло Яшку за ухо, кольнуло в плечо. Малыш почувствовал, как рубашка зацепилась за что-то острое, и его тут же с силой отбросило в сторону. Рубашка натянулась и затрещала. Яшка висел, раскачиваясь над пропастью, точно подвешенный за крючок мешок с картошкой.

Запрокинув голову, мальчик пытался рассмотреть, кто его тащит. Ветер хлестал по лицу, выбивая слёзы. Хотя и без слёз увидеть что-либо в наступающей чернильной тьме было весьма сложно. И всё же в жёлтом призрачном свете от двух моргающих лун Яшка сумел-таки разглядеть руку, очень тонкую и длинную, будто жевательную резинку выплюнули и растянули. Она держала его за ворот и тянула вверх. Однако самого таинственного обладателя или обладательницы костлявой конечности видно не было, точно рука сама по себе схватила мальчика и уносит в небо. Между лун, как заметил теперь Яшка, виднелась приоткрытая дверь. Туда-то и заползала змея-рука, в плену которой он оказался.

Увиденное натолкнуло малыша на мысль, что его чудо-спасение – вовсе не спасение, а западня.

«Наверное, так же чувствует себя кролик, попавший в силки...» – думал Яшка, выворачиваясь таким образом, чтобы лучше можно было рассмотреть приближающиеся двери, в которые ему предстояло быть затянутым.

Сочившийся сквозь дверной проём свет напоминал свет от электрической лампы, приглушённый бумажным колпаком. На этом свету малыш увидел, как на старческой коже руки отчётиливо выступили коричневые пигментные пятна. Это напугало его. От страха засосало в желудке, и мальчика начало тошнить. Тело покрылось липким потом, отчего сразу стало очень холодно.

Резиновая рука рывком подтянула малыша к двери. Рубашка, не выдержав, с треском разорвалась, и по спине расползлась огромная дырка.

– Иди ко мне! – проскрипел старушечий голос.

Из проёма выглянула голова Старухи с длинными запутанными волосами. Черты лица мальчик разглядеть не мог, так как свет, проникавший из-за двери, стал ярче и слепил его. Чёрная голова, приветствуя малыша, кивнула и улыбнулась, показав белые заострённые зубы. Красный раздвоенный язык то высовывался, то прятался обратно, словно пламя, играющее на ветру.

Яшка висел на пальцах-крючках с длинными острыми ногтями и, пытаясь высвободиться,

дёргался, словно рыбка, попавшаяся на удочку. Его не пугала даже перспектива упасть в фиолетовую бездну, которая раскрылась под ногами. В конце концов, опыт полёта и падения у него уже имелся. То, что тащило его в дверь-нору, беспокоило его гораздо сильнее.

Зубы-клинки, клацнув, раскрылись, готовые поглотить ребёнка. Медлить было нельзя. И тут Яшка вспомнил о звёздочке, которую до этого крепко сжимал в кулаке. Разжав пальцы, он забросил светящийся пульсирующий шарик прямо в пасть чудовищу. В ответ Старуха заскулила, словно побитая собака, и выплюнула пламя.

Мальчик размахивал руками и ногами до тех пор, пока ему не удалось отцепиться, и теперь, соскочив с крючка, он тяжёлым кулем полетел вниз.

Большой лоскут его пижамы остался в руке Ведьмы. Скуля, она погрозила ему кулаком и исчезла в проёме. Тяжёлые двери захлопнулись за ней, огласив ночное небо громкими раскатами грома. Звёзды зашатались, будто их плохо прибили, и следом за мальчиком горохом посыпались на землю.

Чтобы смягчить падение, Яшка расставил руки и ноги так, как делают кошки, когда падают с дерева. Где-то внизу обеспокоенно гудели пчёлы. Заметив малыша, они тут же ринулись ему на помощь. Окружив его, маленькие пчёлки лапками ухватились за то, что осталось от пижамы, но их усилий было недостаточно, и мальчик, набирая

скорость, продолжал падать. Он видел, как настойчиво приближается земля, улавливал шорох листвы и треск разламывающихся сухих веток.

Огромные деревья, шурша листвой, раздвинулись, чтобы пропустить малыша, а разлапистая мохнатая ель успела ухватить его за левую пятку и осторожно опустила на траву.

Руки, плечи и спина, исцарапанные еловыми иголками, ужасно болели, но мальчик был жив.

Пчёлы весело махали крыльями, кружа над Яшкойной головой.

– Ж-ж-жив! Ж-ж-жив!! Ж-ж-жив!!! – пели они...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТЕТЯ ЖУЖА!**

Лунный свет практически не проникал сквозь густые ветви деревьев, поэтому среди стволов, покрытых шершавой потрескавшейся корой, было и вовсе темно. Однако темнота больше не пугала мальчика. Приветливое жужжание пчёл, искренне беспокоившихся о нём, напомнило, что он среди друзей. Чихание и аханье, доносившиеся из кармана, чудом уцелевшего после недавнего приключения, свидетельствовали о том, что с уважаемым профессором всё в порядке. Только Дзинь-да-да по-прежнему была без сознания и лежала на дне кармана, едва дыша.

Откуда ни возьмись, появились множество разноцветных огоньков, которые танцевали и прыгали, приближаясь к Яшке. Мальчик устал. Устал бояться, беспокоиться и всё время куда-то бежать. Облокотившись о ствол ближайшего дерева и откинув голову назад, он наблюдал, как

огоньки выстроились в две ровные шеренги, как бы пропуская кого-то вперёд.

Косолапый медведь, неуклюже передвигая лапами, подошёл к малышу и, смешно пыхтя, ткнулся ему в щёку большим влажным носом.

После уродливой Ведьмы с её длинной резиновой рукой бурый мишка казался мальчику просто ангелом.

– Привет! – поздоровался Яшка, но, испугавшись, что подобное обращение может не понравиться могучему лесному зверю, добавил:
– Здравствуйте, уважаемый медведь!

Косолапый в ответ снова ткнулся в Яшкину щёку и даже лизнул. От медведя пахло уже знакомыми ягодами, которыми мальчик не так давно лакомился на краю пеньковой поляны. Наверное, тем же пахло и от Яшки, потому что мишка активно работал ноздрями, обнюхивая лицо малыша, и урчал от удовольствия.

– Лакомка лакомку вынюхает издалека! – произнёс кто-то над Яшкой головой, но это был не медведь, который по-прежнему урчал и нюхал.

Огоньки приблизились к дереву, возле которого примостился мальчик. В результате Яшка и медведь оказались внутри светового круга.

– Я вижу, падать – ваше хобби, молодой человек? – спросил тот же голос, что и минуту назад.

Медведь наклонил голову ниже, и Яшка увидел между его ушами маленькую фигурку, которая сидела на чём-то вроде миниатюрного кресла, положив ногу на ногу.

«Буква «Ж»!» – догадался малыш, приглядевшись внимательнее. Она всегда напоминала ему комарика с четырьмя раскинутыми лапками.

Пчёлы громко жужжали, повторяя одно и то же:
– Ж-ж-жу-ж-ж-жа! Ж-ж-жу-ж-ж-жа! Ж-ж-жу-ж-ж-жа!

Мальчик предположил, что перед ним восседает, судя по всему, королева пчёл – госпожа Жужа, о которой упоминал профессор Абра-ар.

– Нет, тётинька... – как-то по-глупому на вопрос королевы ответил Яшка, не любивший всякие там церемонии, – то есть мадам Её высочество или как вас там, мадам Жужа...

– Ах! – схватился за голову Абра-ар, слушая такие нелепости.

– Ж-ж-жути!! – послышалось со всех сторон.

Но даму в кресле глупости мальчика не смущили. Выпрямившись, госпожа Жужа отдала приказ:

– Мальчик устал. Проводить во дворец!

Несколько пчёл подлетели к королеве, держа на маленьком золотом подносе жезл, усыпанный жёлтыми и голубыми камнями, которые ярко блестели в лунном свете. Жужа взяла его и протянула руку вперёд, жестом повелевая Яшке наклонить голову так, чтобы она могла до неё дотянуться.

«Прямо в рыцари сейчас посвящать будут?!» – подумал малыш и, улыбнувшись, выполнил, что от него требуют.

Лёгкого прикосновения маленькой палки, именуемой жезлом, мальчик не почувствовал. Но по тому, как притихли пчёлы и даже медведь

перестал урчать, можно было догадаться, что подобное действие имеет какой-то особый смысл. Яшка внутренне напрягся, выжидая, что же теперь будет. Он не ошибся в своих предчувствиях. Очень скоро мальчик почувствовал, как земля уходит из-под его ног и он снова падает.

«В который раз-то?!» – успел подумать малыш.

Голова кружилась. Медведь, королева, пчёлы и огоньки остались где-то далеко вверху. Чёрнота, словно купол, укрыла мальчика, и всё исчезло, но лишь на мгновение. Тёмные покровы, пленившие малыша, тут же раздвинулись, вернув голоса и запахи ночного леса. Яшка сидел среди горы какого-то тряпья и недоумённо осматривался. Он встал, но, с ужасом заметив, что потерял где-то свои штаны, сел обратно и прикрылся руками. Голый, Яшка обиженно надул губы, недовольный таким неожиданным для него поворотом событий.

Откуда-то сверху к мальчику приблизилось огромное чёрное пятно, которое то раздувалось, то вдавливалось внутрь попеременно. К тому же из этого страшного «непонятно что» выдувался громкий свист. По звуку похоже было, будто работает мощный насос, закачивающий воздух в шар, но кто-то время от времени зачем-то откручивает клапан, чтобы приспустить воздух: уф-ф-ф-фу-у-у-у, уф-ф-ф-фу-у-у-у.

Слева от Яшки под тряпьём кто-то копошился, пытаясь выбраться наружу. Малыш чувствовал

себя совсем растерянным и не знал, чего ему опасаться больше: странной свистящей «тучей», надвигающейся сверху, или того, кто роется в тряпках. Поэтому он всё время вертел головой, чтобы не упустить из виду и то, и другое, пока не заболела шея и радужные зайчики не поплыли перед глазами.

«Горе-шахтёр», прокладывающий путь среди груды тряпья, упёрся в Яшкин зад и, испуганно ахнув, затих. Мальчик отполз в сторону и пригнул голову, ибо как раз в этот момент «туча» с громким «уф-ф-фу-у» легонько толкнула его и ушла вверх. Через минуту она вернулась и повторила то же самое, не причинив Яшке, однако, никакого вреда. Каждый раз, когда «уф-ф-ф-уф» приближалось, пахло малиной и мёдом, а тёплый воздух, выдуваемый с помощью невидимого насоса, согревал обнажённое тело мальчика.

Затаившийся «шахтёр» решил, что ждать больше незачем, поэтому боязливо высунул голову и, заметив малыша, вылез полностью. Радостно отряхивая одежду и поправляя шляпу, он пробирался к мальчику, всё время приговаривая:

— Ах, как я рад! Ах, как хорошо!

По элегантной походке и ахам на каждом слове Яшка узнал Абра-ара, но не спешил отвечать на приветствие друга, поражённый его размерами: каким-то образом профессор успел вырасти, и теперь чихунчик и малыш были одного роста. Когда Абра-ар подошёл ближе, дружелюбно протягивая руки, мальчик отметил, что он даже

чуточку выше, так как носит щегольские туфли на высоких каблуках.

Не в силах справиться с изумлением, малыш открыл рот, чтобы спросить что-то, но выдавил из себя лишь протяжное «а-а-а», будто подражал Абра-ару, затем запнулся, так и не сформулировав вопроса, и продолжал сидеть с открытым ртом.

– Заело, что ли? Здесь вареники не летают! – донеслось сверху.

Яшка, повернув голову, увидел, как облепленная огоньками медвежья голова, которая была теперь величиной с двухэтажный дом, плавно опустилась рядом и уткнулась в тряпки большим чёрным носом (он-то и свистел, как старый паровоз). Госпожа Жужка, сидевшая на лбу у медведя, оттолкнулась и скатилась вниз вместе с креслом, к которому были прикреплены колёсики. Кресло гонщицы-королевы миновало мягкий нос медведя, взлетело вверх, пару раз кувыркнулось и упало на тряпью, перевернувшись набок.

Шур, шур, шур – всё ещё вращались маленькие колёса, когда Яшка с Абра-аром подбежали к креслу, чтобы помочь королеве.

Тут же подлетели полосатые пчёлы, больше похожие на годовалых бычков, только с крыльями, которые обвязались «геркулесовой» кашей или попали под грибной дождь. Иначе Яшка не мог объяснить странные перемены, произошедшие с его друзьями.

«Гигантомагия какая-то!» – думал малыш, разглядывая пчёл, круживших над тряпьём,

которое, как он догадался теперь, ещё недавно было его пижамой.

Вспомнив, что он голый, мальчик плюхнулся на свои бывшие штаны и обхватил колени руками. Сидя так, он долго наблюдал, как все вокруг бегали, летали и копошились, явно ища что-то.

Поисками руководила Жужа. Она снова сидела в своём кресле и то и дело указывала пальцем то в одну, то в другую сторону, давая понять, где нужно искать.

Мальчик видел, как «выкопали» из тряпья спящую Дзинь-да-да, а затем куда-то унесли две пчелы-крепыша в красных поясках. Но не это, видимо, было целью поисков, так как оставшиеся пчёлы продолжали суетиться, обыскивая Яшкину одежду.

Малыш зевнул и устало посмотрел себе под ноги, пальцы которых уже успели посинеть от холода. Блестящий жезл, который, судя по всему, уронила королева во время своих выражений в кресле, теперь лежал прямо перед его носом, переливаясь жёлтым и голубым цветами.

Недолго думая, малыш ухватился за увенчанный камнями конец жезла и сразу же начал расти, пока не ударился головой об еловую ветку. Схватившись за ушибленный лоб, Яшка уронил жезл, который, как выяснилось позднее, и был виновником всех этих превращений. Палка упала ему на ногу, больно уколов острым концом большой пальца, после чего мальчик, как и в первый раз, стремительно упал вниз, вновь погрузившись в мягкое тряпьё, словно в перину.

– Ничего не трогай! – протрубила приказ не на шутку рассерженная Жужа. – Это волшебная палочка!!!

Две пчелы, одна за руку, другая за ногу, подхватили мальчика и понесли туда, куда, вероятно, доставили уже Дзинь-да-да...